

**К. Г. Холодковский,
доктор исторических наук,
ИМЭМО РАН**

Реплика

Мне хотелось бы поспорить с тезисом, высказанным Л.В.Поляковым в его сообщении, о том, что чрезмерное увлечение идеями гражданского общества отвлекло вни-

мание от задач построения демократического государства. Правда, в устном изложении этот тезис из-за недостатка времени, как мне показалось, не был в достаточной мере конкретизирован, и поэтому трудно судить о степени его обоснованности. Но как бы то ни было, он не кажется мне убедительным.

Прежде всего не очень понятно, кому адресован упрек Л.В.Полякова. О том, что он не относится к ученым, исследовавшим про-

¹ *King Ch.* Post-Communism. Transition, Comparison, and the End of "Eastern Europe" // *World Politics*. 2000. Vol. 53. Oct. P. 157.

© К.Г.Холодковский, 2001

блемы гражданского общества, сказал сам Леонид Владимирович, отвечая на вопрос С.П.Перегудова. Приходится сделать вывод, что он обращен к политикам-демократам. Однако если не считать пресловутой "демшизы", вряд ли кого-либо в либеральном и демократическом стане можно заподозрить в подобных неконструктивных настроениях. Появление в демократическом движении такой "пены", как эта "демшиза", понимавшая политическую деятельность только как совокупность акций протеста, митингов, внутренних склок и тому подобного, во многом было неизбежно. Ведь все или почти все зачаточные структуры гражданского общества, появившиеся у нас в конце 80-х — начале 90-х годов, возникали как инструмент противостояния коммунистической власти — тому всеобъемлющему, тоталитарному государству, которое, собственно, и не было государством в современном смысле этого слова. От этих конфликтных отношений плавно перейти к партнерству с обновленным государством было не так легко, и, естественно, среди пионеров движения были люди, органически способные это сделать.

Вряд ли, однако, это обстоятельство сыграло сколько-нибудь существенную роль, ибо такого рода элементы уже в 1992-1993 гг. были маргинализированы в обществе. Между тем были другие люди — я имею в виду лидеров демократического движения, — многие из которых в этот период (а некоторые и позже) были причастны к государственной власти, а другие ее поддерживали, и их деятельность оказала большое влияние на ход событий. Вот этим людям уж никак нельзя предъявить упрек в переоценке гражданского общества. Им было свойственно, напротив, чрезмерное упование на действия "сверху", через государство, сосредоточенность на политических маневрах в "коридорах власти". К поддержке гражданского общества они обращались лишь в критические моменты типа октябрьских дней 1993 г. или перевыборов президента в 1996 г.

Что же касается внимания к гражданскому обществу, их скорее можно упрекнуть в том, что они не использовали государственные рычаги для поддержки, закрепления, институционализации возникших зачатков гражданских структур. Разумеется, "вводить", "строить" гражданское общество невозможно, но заботливо выращивать его, устранять препятствия на пути его развития было можно и нужно. Это значит, прежде всего, создавать, пусть не через законы, если они блокировались тогдашним парламентом, то хотя бы через указы, через постановления правительства, правовые рамки, благоприятные условия для деятельности гражданских структур, а вместе с тем и контроля за их нормальным развитием, недопущения их недемократического и криминального перерождения (вспомним судьбу спортивных или "афганских" объединений). Между тем практика реформаторов оказалась со-

вершено другой. В качестве примера можно привести последовательную линию на маргинализацию новых, свободных профсоюзов при создании российского механизма "трипартизма", социального партнерства. Закон о партиях (отвлекаюсь от его качества) появляется на свет только теперь.

Реформаторы, в том числе и из демократических лидеров, похоже, искренне не понимали, что без опоры на гражданское общество, без поддержки и стимулирования его структур преобразования неизбежно приобретают бюрократический характер, а политика государства оказывается оторванной от широких социальных интересов. Кампания по ударному созданию класса собственников, известная под названием "приватизация", вряд ли может быть истолкована как забота о гражданском обществе, поскольку ее реальным (и, похоже, вполне предвиденным инициаторами) результатом было возникновение узкого слоя бизнес-элиты, тесно связанной с государством. Задача построения демократического государства в значительной мере свелась к формальной имитации современных политических институтов — выборности, парламентаризма, разделения властей, многопартийности.

Разумеется, даже такие, во многом поверхностные, политические преобразования имели громадное значение для модернизации страны. Но в отсутствие фундамента демократии, каким является гражданское общество, они чаще всего остаются конституционным прикрытием бюрократической и авторитарной практики. В рамках этой практики "представителями общества" выступают так называемые олигархи (в самое последнее время — корпоративная ассоциация предпринимателей, что уже является определенным прогрессом).

Ни одна из сменявших друг друга команд реформаторов не завязала настоящего диалога с обществом. Все без исключения либеральные политические силы высокомерно игнорировали те, пусть еще слабые, структуры общественной самодеятельности, которые защищали социальные интересы массовых слоев.

Уважаемый Леонид Владимирович упрекнул организацию солдатских матерей в том, что она с самого начала приобрела антигосударственную направленность. Однако при таком государстве, которое вербует офицеров для спецопераций в Чечне, а потом, когда они попадают в плен, отказывается от них, которое с легкостью бросает на произвол судьбу "маленького человека", просто не могло быть иначе.

Думается, что противопоставлять построение демократического государства и формирование гражданского общества неправомерно. Оба процесса — создание правового государства, демократии, и складывание ее базы — гражданского общества, могут быть успешными, только если они развиваются параллельно, подкрепляя друг друга.